

ЛИДИЯ ПАВЛОВНА ГРОТ

кандидат исторических наук, директор, консалтингово-образовательное предприятие «НОРРКОН АБ» (Лулео, Швеция)

lpgroth@gmail.com

КАК ЛЕТОПИСНАЯ ЧУДЬ ПРЕВРАТИЛАСЬ В «ЭСТОНСКИЕ ПЛЕМЕНА»

Характеристика летописной чуди, принятая в современной науке, приводится в комментарии к Повести временных лет: «чудь – эстонские племена» [11: 383–384]. Но вплоть до конца XVII–XVIII века в русской исторической мысли было известно о народе чудь как носителе индоевропейских языков (ИЕ) и одном из предков современных русских. Например, иеродиакон Холопьевого монастыря на реке Мологе Тимофей Каменевич-Рвовский в работе «История о начале Русской Земли и о создании Новгорода» (1699) писал о чуди как о потомках скифских жителей, вернувшихся с Дуная в Приильменье, в прежние места обитания. Эта же традиция была представлена русским летописанием XVII века (например, Мазуринский летописец последней четверти XVII века, Летописец Новгородский или Новгородская третья летопись и др.). Со второй половины XIX века вопрос о чуди как носителе ИЕ поднимали многие российские ученые. Чудь как носителя ИЕ определял крупнейший российский лингвист, палеограф, историк литературы, славист А. И. Соболевский (1856–1929) [3].

От внимания современных ученых ускользнул тот факт, что источником идеи о чуди как «эстонских племенах» была не наука, а политика, вернее, политический миф, рожденный в ходе развития политики Швеции XVII–XVIII веков. Прологом к истории превращения чуди в «эстонские племена» послужила политика шведских властей в оккупированных в ходе событий Смутного времени Ижорской и Водской землях, которые на шведских картах получили название Ингерманландии. Чтобы понять, как это произошло, надо дать краткое описание данной политики, в шведской историографии получившей название политики сегрегации и лютеранизации в Ингерманландии 1617–1704 годов, согласно шведскому историку А. Ислергу [18: 7].

Именно для идеологического обоснования политики сегрегации и был создан политический миф, приведший со временем к тому, что в науку было введено понятие «финно-угорский субстрат Восточной Европы», а летописная чудь получила трактовку «эстонские племена».

Следует принять во внимание, что политическая жизнь Швеции начала XVII века была окрашена угрозой обострения религиозной розни

внутри страны, исходившей от низложенного в 1599 году короля Сигизмунда, убежденного католика, и его сторонников [18: 15–20].

Общая политическая обстановка в Швеции влияла и на политику шведской администрации в завоеванных землях, где также старались, так сказать, следовать веяниям из центра. Как отмечает шведский историк Юнас Нордин, исследовавший шведскую политику в XVII веке, основная проблема для шведской короны после Столбовского договора в оккупированных русских землях заключалась в инкорпорировании (выражение из шведских документов) православного населения в шведскую систему, то есть в обращении православного населения Ингерманландии в лютеранство [21: 73–80]. Это диктовалось тем, что шведской короне надо было получить в завоеванных землях верноподданническое население, пусть не по рождению, но хотя бы по лютеранской вере, которое признавало бы «право» облагать завоеванные области данью, что после Столбовского мира (1617) означало на деле идеологизацию получения выгод от контроля за русской торговлей хлебом, а после поражения в Северной войне – оправдание попыток реванша с целью возврата земель в устье Невы, где рос молодой Санкт-Петербург.

Для обслуживания политики лютеранизации в Стокгольме было создано центральное переводческое бюро со штатом переводчиков-русиотов, имевшее местные отделения в Выборге, Нарве, Ревеле, Дерпте и др. [9: 150–152].

В 1628 году силами данного переводческого бюро было осуществлено издание малого катехизиса М. Лютера на русском и церковнославянском языках. Одним из переводчиков был Ханс Флёрех (Hans Flörich) из семьи немецких выходцев, обосновавшихся в Москве. Ханс Флёрех служил русско-немецким переводчиком Посольского приказа в Москве в правление Бориса Годунова и Василия Шуйского. После низложения Василия Шуйского Флёрех перешел на шведскую службу. В октябре 1612 года имел официальное зачисление как письменный переводчик в канцелярии Густава Адольфа [20: 47–66]. Среди других переводчиков можно назвать приглашенного в Стокгольм Исаака Торчакова, дьячка в Спасском приходе Ямгорода [11: 93–129].

Однако, как отмечают шведские исследователи, православное население Ижорской и Водской земель, как финноязычное, так и русскоязычное, не обнаруживало никакой радости при виде открывшейся перспективы перейти в лютеранскую веру. Отмечая сопротивление, которое православное население оказывало обучению лютеранству посредством чтения катехизиса, шведский славист Пересветов-Мурат ссылается на данные шведских отчетов, в которых сообщалось, что православные хотят, чтобы «правильно читать и молиться» их бы учили священники по «их собственным русским книгам» [11: 122].

Это идейное противостояние со стороны населения Ижорской и Водской земель навязыванию чужеродной системы духовных ценностей – феномен, обращающий на себя внимание. Он указывает на то, что православное население, как финноязычное, так и русскоязычное, осознавало себя единой исторической общностью, право принадлежать к которой стремились отстаивать и защищать. Поэтому политика лютеранизации Ингерманландии постепенно стала принимать более жесткие формы. В 1640 году шведскими властями было принято решение о том, что православные священники будут контролироваться суперинтендантом Нарвы – новое звание, соответствовавшее званию епископа и утверждавшееся королевской властью. Первому суперинтенданту Ингерманландии Хенрику Стакхелю было указано, что его главная задача – вынудить русских перейти в лютеранство (*att draga den ryska nationen till vår religion*). Но Стакхель не справился с поставленной задачей, невзирая на грубые меры, включая и прямые военные нападения на православные святыни [18: 42–71].

В правление Карла XI (1660–1697) в завоеванных русских землях в качестве следующего шага вытеснения православия была пущена в ход вышеназванная политика сегрегации, то есть политика противопоставления православных води и ижоры «истинным» русским. В 1672–1678 годах суперинтендант Эрик Альбогиус стал проповедовать мысль о том, что финноязычные крестьяне вообще не должны рассматриваться как законные православные, а только как природные лютеране. Однако и он заметными успехами на поприще лютеранизации православного населения себя не прославил, ибо в отчетных документах сохранилась язвительная запись о том, что усилиями Альбогиуса «никто не был обращен в лютеранство, да и в будущем не будет» [18: 85–87].

Но начатый политический курс продолжил следующий суперинтендант Иоганн Гецелиус, назначенный в Ингерманландию в сентябре 1681 года. Под его руководством насильтственному обращению в лютеранство ижоры и води была придана видимость восстановления исторической справедливости, для чего стали привлекаться аргументы «исторического» характера, согласно

которым ижора и вода якобы когда-то переселились на эти земли из Финляндии (*ingrer och voter invandrat från Finland*). Их обращение в православие произошло только в период войны 1656–1657 годов, когда они бежали в пределы Русского государства, привлекаемые пышностью русских религиозных праздников. А раз они переселились из Финляндии, то должны исходно считаться подданными шведской короны и, следовательно, лютеранами. По своему происхождению, уверял Гецелиус, ижора и вода ближе к западногерманским традициям, чем к русским. Такие вот западногерманские финны!

Однако и данный курс политики лютеранизации не привел к успеху: Гецелиус отмечал, что сопротивление введению лютеранства в некоторых деревнях было настолько сильным, что когда лютеранские священники приезжали в деревню для проповеди, то почти все население пряталось в лесу. В некоторых деревнях только с помощью полицейских мер удавалось принуждать жителей присутствовать на лютеранских службах [18: 88–99].

Вот тогда-то для пропаганды «законности» оккупации стали усиливать обоснования «исторического права» Швеции на завоеванные в Смутное время новгородские земли.

Занимаясь исследованиями в области западноевропейских исторических утопий, я обратила внимание на то, что в западноевропейской истории еще с эпохи Возрождения получил развитие феномен информационных войн, где первейшим оружием являлся исторический материал, использовавшийся для переформатирования как исторического прошлого другого народа (например, для очернения или обирания в свою пользу истории другого народа), так и своей собственной истории (для возвеличивания собственного прошлого, где большую роль играл феномен выдуманной древности для обоснования собственного исторического права на те или иные ценности, например на какие-то территории) [2: 89–119].

В шведской историографии этот феномен известен со второй половины XVI века. Он получил развитие в лоне готицизма – специфического течения североевропейской общественной мысли, основу которого составило прославление древнего народа готов. В Швеции готицизм получил бурное развитие со временем правления короля Густава Вазы (1496–1560), который поддерживал всей мощью королевской власти миф о том, что прямыми предками шведов были древние готы.

С именем короля Карла IX (1550–1611) можно связать начало создания следующего шведского политического мифа, где использовалось манипулирование историей. В правление этого короля и явно при его поддержке стала создаваться новейшая версия «истории» Восточной Европы в древности. Для развития этой версии привлекли ни много ни мало древнегреческие мифы о гипербореях, которых так же, как и готов, объ-

явили прямыми предками шведских королей, имя Гипербореи – имевшим скандинавское происхождение, а имена древнегреческих богов и героев – испорченными шведскими именами и пр.

На фоне нараставшей военной агрессии Швеции в Новгородской земле новый политический миф был призван доказать первенствующую роль предков шведов в истории Восточной Европы, которые, по созданной мифологической историософии, якобы уже в гиперборейские времена обживали Восточную Европу задолго до других народов, ходили и до Черного моря, и далее – до греческих островов. «Гиперборейские открытия» (выражение шведского историка Ю. Нордстрёма) были сделаны Юханом Буре, влиятельным сановником Карла IX и учителем будущего короля Густава II Адольфа (1594–1632), а потом продолжали набирать обороты в трудах учеников и последователей Буре.

Завершение военных действий в Русском государстве на весьма выгодных для Швеции условиях рассматривалось королем Густавом Адольфом как безусловное доказательство того, что он достойный продолжатель готских деяний в Восточной Европе и что теперь все завоеванные земли должны стать полностью шведскими (ошведиться – *försvenskas*) [24: 30–37]. А последовавшие затем неудачи политики лютеранизации русских земель только подтолкнули развитие политического мифотворчества с использованием истории, вернее с использованием исторических фальсификатов, в обоснование прав на территорию Русского государства.

В 1675 году в Лундском университете Эрик Рунштедт защитил диссертацию «О происхождении свео-готских народов», в которой, развивая фантазию о переселении свея-готского народа из Швеции в Скифию, утверждал, что этнонимы Восточной Европы – скандинавского происхождения: аланы получили свое имя от провинции Олодингер (*Åländingar et Oländingar*), а роксоланы – имя выходцев из Росландини (*Roslandia*) или Рослагена (*Roslagia*) [9: 269].

В 1670 году шведский писатель и профессор медицины Олоф Рудбек (1630–1702) начал работать над «Атлантидой», пространной фантазией на темы древнешведской истории, где, доказывая основоположничество Швеции в древнегерманской, древнегреческой и древнерусской культурах, объединил в своем увесистом труде величественные миражи готицизма и шведскую гипербoreаду. Но к прежним историческим «находкам» шведского политического мифа Рудбек добавил и новые идеи, которые имеют конкретный интерес для данной статьи.

Во втором томе «Атлантиды», вышедшем в 1689 году, Рудбек «упорядочил» этническую картину в Восточной Европе в древности. Как было показано выше, шведские власти в Ингерманландии несколько подзапутались в том, откуда выводить «западногерманских» финнов и как

обосновать законность их подчинения шведской короне. Но Рудбек решил эту проблему. Он провозгласил, что в послегиперборейские времена древнейшим населением Восточной Европы, начиная с севера и вплоть до Дона, сделались финны, а славяне или русские жили много южнее. Финны были подчинены предкам шведских королей – гиперборейским скифам (*Yfwerborne Skythar*), покорившим постепенно Азиатскую Сарматию до Каспийского моря и другие страны. Кроме того, шведские короли подчинили также эстов, живших на берегу Балтийского моря. И так продолжалось, согласно Рудбеку, до тех пор, пока татары не подчинили себе Азиатскую Сарматию [22: 174–199].

Все аргументы Рудбека были взяты из воздуха, однако такова была обычная манера того времени. Со временем большинство фантазий Рудбека на исторические темы стали считаться курьезами, но его этнической картине Восточной Европы в древности была суждена другая судьба.

Дело в том, что в Шведском королевстве Рудбека зубрили во всех учебных заведениях еще в XVIII веке, включая и учебные заведения Финляндии, которая была частью Шведского королевства. Известный шведский историк XX века Хенрик Шюк отмечал, что фантазии рудбековской «Атлантиды» в Швеции конца XVII–XVIII века заучивались как святыни, сравнимая только с Аугсбургским символом веры (официальный вероисповедальный документ – богословская норма лютеран) [25: 30].

Шведские историки, избирающие своей темой показ древних корней шведского владычества в Восточной Европе, в качестве основного источника для своих диссертаций использовали «Атлантиду» Рудбека и весь ее миражный гигантанизм, который мыслился как реальная история древней Швеции [26: 138].

Исследователь готицизма и рудбекианизма Ю. Свеннунг охарактеризовал «Атлантиду» как произведение, где шовинистические причуды фантазии были доведены до полного абсурда [27: 91]. Эта характеристика прекрасно подтверждается использованием «Атлантиды» в Ингерманландии. Современный шведский историк Юнас Нордин подчеркивал, что «Атлантида» Рудбека играла важную роль в утверждении идеи о западногерманском происхождении Ингерманландии и, соответственно, «законности» оккупации русских земель [21: 77].

Так, вышеупомянутый суперинтендант И. Гецилиус со ссылкой на Рудбека стал в официальных документах утверждать, что предки шведов и финнов были самыми древними поселенцами на севере Восточной Европы, поэтому Ингерманланд – это исконно древнешведская территория, и русские цари не могут считаться ее законными властителями [18: 100–109].

Для данной статьи принципиально важно выделить два момента в утверждениях Рудбека.

Во-первых, это его слова о том, что еще во времена «гиперборейских скифов» Восточная Европа вплоть до Дона была населена финнами, которые находились в подчинении шведо-гипербореев, а русские в то время жили южнее, хотя постепенно тоже были покорены древнешведскими королями. Во-вторых, это упоминание Рудбека об эстах, живших на берегу Балтийского моря, которые также были подчинены предками шведских королей.

Оба названия *эсты* и *финны*, заимствованные от античных авторов, переносились на карты восточной Балтики, на колонизованные земли в ходе датских и шведских крестовых походов, организуемых с конца XII–XIII века. Поэтому в период после Столбовского мира шведская политика в Ингерманландии и других «инкорпорированных» землях была заинтересована в закреплении в обиходе названий *финны* и *эсты*. Потому-то для Рудбека было политически корректным постулировать, что на северо-западе Восточной Европы древнейшим населением были финны и эсты, управляемые шведскими королями, а русских здесь и близко не было.

Этот постулат Рудбека и вымостили в будущем путь для оформления идеи о финно-угорстве летописной чуди в тот момент, когда развитие шведского политического мифа потребовало знакомства с русскими источниками. В них обнаружили древний народ чудь, сведения о котором без каких-либо обоснований стали соединять с Рудбековскими финнами, якобы населявшими Восточную Европу «вплоть до Дона», и с эстами.

Дополнительное внимание рудбековскому мифу о финнах, с древности заселявших Восточную Европу, было обеспечено финским соответствием шведскому рудбекианизму – финским мифом о вымышленном величии финской истории в древности.

Епископ и профессор в университете Або (современный Турку) Даниэль Юслениус (1676–1752) в 1700 году начал полемику с Рудбеком. Возражая Рудбеку, который уверял, что шведы принесли науку и письменность в Древний Рим, Юслениус заявил, что все эти знания шведы получили от финнов, но завистливые шведы, завоевав Финляндию, уничтожили все следы древней финской культуры для того, чтобы сломить финский патриотизм [17: 113–123].

После окончания Северной войны по Ништадтскому миру Швеция потеряла завоеванные ранее русские земли: и Ингерманландию, и Лифляндию, и Эстляндию, то есть Ижорскую и Водскую земли, Ивангород, Корелу, земли вокруг Ревеля (Колывани), Дерпта (Юрьева) и др. Потеря этих земель воспринималась и шведскими властями, и шведским обществом как вопиющая историческая несправедливость, настолько картины выдуманной Рудбеком древнешведской

истории глубоко въелись в шведское сознание. Понятное дело, что при таком менталитете ни шведское общество, ни шведские политики не могли смириться с условиями Ништадтского мира.

В течение второй половины XVIII века Швеция дважды нападала на Россию: в 1741 и 1788 годах. Этим нападениям был положен конец только с окончанием русско-шведской войны 1807–1809 годов и включением Финляндии в состав Российской империи.

Готовясь к военным действиям против России, шведские власти, естественно, учитывали и возможности информационной войны, развернутой на фронте исторических фантазий, «обосновавших» права Швеции на восточноевропейские земли. Не надо думать, что обработка международного общественного мнения перед началом военных действий – современное изобретение. Вполне естественным было то, что как раз в период после Ништадтского мира и перед военными нападениями на Россию в 1741 и в 1789 годах в среде шведских историков заметно активизировалась тематика, связанная с великой миссией шведов и красочно расписанная в «Атлантиде» Рудбека.

В 1734 году в диссертации шведского историка из Або Альгота Скарина в первый раз рудбековские финны (*finnarna*) и эсты (*estarna*) были соединены с именем летописной чуди. Кроме того, Скарин ввел хорошо известный в современной науке хронологический ограничитель для начала русской истории, то есть стал делить историю России (или Восточной Европы) на два периода: «до расселения славян» и «после расселения славян», законсервировав тем самым все еще достаточно расплывчатые образы Рудбека о славянах или русских, живших где-то в южных землях и расселившихся в Восточной Европе позднее финнов и «татар».

По утверждениям Скарина (нет необходимости говорить о том, что утверждения были исключительно голословны), Россия, в древности являвшаяся одной из областей империи Одина, до расселения славян была населена гуннами. Здесь на великих просторах якобы возник свяготский рейх, куда с юга вторгались славяне или венды, которых тоже удалось подчинить и сделать данниками. Но в V веке гунны, сообщает Скарин, покинули эти места, и в опустевших областях стали распространяться славяне и венды, ища нового места жительства [19: 355–362], [24: 263–276].

В западноевропейской науке высказывалось мнение, что Скарина следует считать первым шведским или даже первым западным исследователем, обратившимся к русским источникам, а именно к ПВЛ и Степенной книге. Так пишет о Скарине немецкая исследовательница Биргит Шольц. Правда, до сих пор остается неизвест-

ным, подчеркивает Шольц, какими переводами пользовался Скарин, ведь русского языка он не знал и читать русские источники в оригинале не мог [26: 275].

Финский историк Арто Латвакангас также полагал, что Скарин мог получить фрагментарный перевод летописей, однако он не уточнял, кто и как делал ему этот перевод. Альгот Скарин отметил только в своей диссертации, что швед Линдхейм привез из России ценные славянские хроники, которые Скарин назвал *Poviest vremianich* и *Kniga stepennaja* [19: 287–288].

Вопрос о том, кто переводил Скарину ПВЛ, важен, поскольку отрывок из ПВЛ, где рассказывается о призвании варягов, содержит в диссертации Скарина фальсификацию сведений о летописной чуди, проникшую постепенно в русскую историческую литературу и глубоко в ней укоренившуюся. Передавая начало Сказания о призвании варягов, Скарин написал, в частности, о том, что русские хроники сообщают, что около 863 года после Р. Х. Ziudi, под которыми имелись в виду *Fenni*, *Estones* (!), а также *Slavoni*, *Krivityzii* и *Meriani* платили варягам дань («...N.C. 863. circiter, dicantur Ziudi h. e. Fenni, Esthones, Slavonii, Krivityzii & Meriani annum tributum Varegis exsolvisse...») (цит. по: [23: 76], [24: 275]).

Известно, что никаких пояснений относительно чуди русские летописи не содержали. Это рудбековских финнов и эстов мы видим в диссертации Скарина, вставленных им в качестве политически корректного комментария к тексту летописи. Науки за этим комментарием – ни грана. Но «*Fenni*» и «*Estones*» в качестве дославянского населения Ингерманландии и Ливонии в первой трети XVIII века входили в образовательные программы на шведских университетских кафедрах. В период же после Ништадтского мира, когда тоска по реваншу томила политическую мысль Швеции, и в условиях подготовки военных кампаний против России требовалась новые «находки» в поддержку шведского политического мифа о финнах как древнейших подданных предков шведских королей.

Но, очевидно, появилась мысль представить такие «находки» как бы извлеченными из русских источников, а кроме того, представить дело так, что эти «открытия» были сделаны сначала в России. Такое впечатление создается после рассмотрения совокупности всех фактов, связанных с появлением заявлений о тождестве «*Fenni*» и «*Estones*» с летописной чудью.

На первый взгляд представляется, что точкой отсчета по «вбрасыванию» в западную историческую литературу образа чуди как «*Fenni*» и «*Estones*» можно считать диссертацию А. Скарина, защищенную в 1734 году в Або. Поскольку через год после защиты диссертации Скарином, в 1735 году, как известно, публикуется статья

Байера «*De Varagis*», и, пожалуйста, там уже вовсю тиражируется шведская выдумка о чуди: «Когда же писатели русские свидетельствуют, что в 859-м году по рождестве Христовом чуды или чудь (либо эстланцы и финландцы), славяне и кривичи варягам платили дань...» [1: 358], [16: 304]. Получается, что Байер шел по следам Скарина. Однако все не так просто. Есть основания полагать, что именно Байеру первому досталось озвучить тождество чуди и «естляндцев и финландцев», хотя произошло это незаметно для научной общественности.

Известно, что Байер, прибыв в Петербург в феврале 1726 года в возрасте 32 лет на кафедру древности и восточных языков Петербургской академии наук, так и не овладел русским языком, поэтому к 1735 году, то есть к моменту публикации его статьи «*De Varagis*», не мог читать русские летописи. За годы жизни в Петербурге он занимался «греческими и римскими древностями», посвящал время исследованиям «по части литератур манжурской и монгольской», «все свободное время употреблял на изучение браминского языка (санскрита)» [10: 188–189]. Сейчас можно со всей определенностью сказать, что и интерес Байера к древнерусской истории, и само написание статьи «*De Varagis*» очень активно стимулировались его шведскими коллегами. Подробно я рассказываю об этом в ряде моих работ (см., например: [4: 35–46]).

Как уже отмечалось, шведские общественные и политические деятели для привлечения симпатий к своей внешней политике были заинтересованы в обработке общественного мнения в европейских странах с помощью политического мифа, содержавшего фальсификаты русской истории. Европейские академические и университетские круги были подходящим контингентом для тиражирования мифа, отсюда и настойчивое внимание шведских деятелей к Байеру после его переезда в Петербург. Известно, что выхода статьи Байера «*De Varagis*» ожидали в Швеции с большим нетерпением. Скарин упоминал, что ее выхода ожидали в Або еще в 1734 году, вероятно, расчитывая, что статья будет опубликована как раз к защите Скариновой диссертации. И полагаю, что в рамках этих тесных контактов шведских деятелей с Байером шведами была подброшена мысль о летописной чуди как «*Fenni*» и «*Estones*» со ссылкой на Рудбека, горячим поклонником которого был Байер.

Следует вспомнить, что Байером был написан целый ряд других работ, помимо пресловутых «*De Varagis*». В частности, для нас интересна статья «*Geographia Russiae ex scriptoribus septentrionalibus*», которая была опубликована в «Комментариях Петербургской академии наук», в X томе 1747 года (русский перевод – в 1767 году). В. Н. Татищев включил русский перевод статьи в свою «Историю Российской»

под названием «Из книг северных писателей, сочиненное Сигфрид Беером», глава 17. Тема статьи определяется Байером в первых строках: «Когда я в географии народов, с Руссиею соседственных... полуденные пределы и границы в прежнем разглагольствовании описал, так ныне северные намерен описывать. Я имею говорить о чуди, эстлянцах, ливонцах, мериантах, ярменцах, инграх, корельцах и финланцах... ибо о варягах в особливом разглагольствовании я говорить буду» [13: 208].

Хотя эта статья была опубликована позднее статьи «*De Varagis*», но из ее контекста яствует, что написана она была ранее. Задача «географической» статьи обозначена четко: «...имею говорить о чуди, эстлянцах, ливонцах, мериантах, ярменцах, инграх, корельцах и финланцах», и несколькими фразами ниже эта задача с легкостью решается Байером: «...в древностех российских некоторые дела так описанные, по которым довольно известно, что чудь была финляндцы» [13: 208]. Байер не указывает, в каких именно «древностях российских», то есть в каких русских источниках сообщается о чуди как о «финляндцах». Но статья Байера на латыни была расчитана в большей степени на западноевропейскую публику, которая уверения Байера о том, что русские источники говорили именно так, как пишет он, Байер, приняла бы за вполне достоверные.

Тот факт, что данная статья была опубликована только в 1747 году, явно не помешал шведским коллегам Байера ознакомиться с ней до опубликования. Ибо то же самое было и со статьей «*De Varagis*». Так, Скарин в диссертации называет Байера своим вдохновителем и сообщает, что исследование Байера о варягах служило ему импульсом еще в 1729 году [19: 355–356]. Иначе говоря, уже за несколько лет до публикации байеровской статьи «*De Varagis*» в шведском окружении Байера ее активно обсуждали.

Статья Байера, где рассуждалось о чуди как о «финлянцах», была принципиально важна для шведов. Во-первых, Байер тиражировал Рудбека, населившего финнами древнюю Восточную Европу до Дона, и Скарина, повторяя в своей статье положения шведского мифа: «...я верю, что весь оный корпус финский в прежние времена так соединен был, что от самого Балтийского моря почти до Волги простирался... Славяне же, победивши финнандцев, потом в середине поселились промеж эстланцевами и финнандцевами при Балтийском море» [13: 209]. Во-вторых, Байер очень ловко вставлял фразы о том, что приводимые им сведения исходят и от «россиян», то есть создавал иллюзию использования им русских источников. Но сам он русские источники исследовать не мог, поэтому вполне вероятно, что и на мысль «говорить о чуди» его натолкнули шведские коллеги,

оказав помощь и с переводом фрагментов русских источников.

Например, в качестве доказательства финно-угорской принадлежности летописной чуди Байер отождествлял чудь с названием «чухно» и приводил такой аргумент: «Також Корелия и великая часть Финляндии и по се число от россиян Чухонскою землею, обыватели же оные чухнами называются...» [13: 208]. Татищев замечает на это: «Корелия и Финляндия никогда чудь не именованы», но Байер подобными глубокими знаниями не обладал. Однако для того, чтобы натолкнуться на слово «чухно» в летописных текстах, надо было внимательно проштудировать такие летописи, как Псковские и Софийские. Для такой кропотливой работы с летописями требовались не просто толмачи, а знатоки, хорошо ориентировавшиеся в летописном материале. Явно уже для написания данной статьи Байер пользовался помощью со стороны. Возможно, дальнейшее изучение переписки Байера со шведскими деятелями прояснит этот вопрос.

Полагаю, что статья о чуди была написана Байером в 1730–1731 годах. Потому что в 1732 году Миллером был опубликован немецкий перевод одного из списков Радзивиловской летописи, в котором непонятным образом вдруг появился комментарий, по содержанию слово в слово совпадавший с комментарием из диссертации Скарина, готовившейся к защите в 1734 году.

Перевод Радзивиловской летописи был заказан И. В. Паусу (1670–1735), выходцу из Тюрингии, бывшему одно время переводчиком при Академии наук, и опубликован в первом томе немецкоязычного журнала по русской истории «*Sammlung russischer Geschichte*» (1732), с инициативой издания которого выступил сам Миллер [7], [14: 16], [18: 199]. Перевод был снабжен комментариями Миллера, и эти комментарии, как было отмечено выше, совершенно идентичны сфальсифицированным сведениям о чуди в диссертации Скарина. Текст перевода летописи на стр. 4, где перечисляются «русь, чудь и все языци...», сопровождался таким миллеровским комментарием к имени чуди: «под этим именем мы видим русов, финнов...». На стр. 10 аналогичное заботливое пояснение: «*Tchudi* – в русской истории финны или финские эстланцы». Тон комментариев совершенно безапелляционный. Логично предположить, что подобную самоуверенность Миллеру могла придавать осведомленность о неопубликованных «изысканиях» Байера относительно чуди и обсуждение этого вопроса со шведскими коллегами Байера.

Так начинался триумфальный путь чуди, превращенной в «финнов или финских эстланцев» шведским политическим мифом при содействии Байера и Миллера. В 1734 году, через пару лет после выхода первого номера «*Sammlung russischer Geschichte*» с миллеровскими комментариями

о чуди, публикуется вышеупомянутая диссертация Скарина, где он также безапелляционно дополняет ПВЛ: «*Ziudi*, под которыми имелись в виду *Fenni, Estones...*», не давая каких-либо ссылок или пояснений и тем как бы придавая своему комментарию вид давно доказанного и общепринятого. А в 1735 году Байер в «*De Varagis*» с аналогичным аплюсом заявляет, что чуды или чудь – это «финландцы либо эстланцы».

Никаких доказательств ни у Миллера, ни у Скарина, ни у Байера по поводу названных комментариев к ПВЛ не приводилось, тем не менее скариновская версия истории Восточной Европы, из которой русские изгонялись вплоть до V века, сделала основополагающей и для последующих работ Миллера, например, тиражировалась им в пресловутой диссертации/речи «О происхождении имени и народа российского», произнесенной в сентябре 1749 года [8: 372, 396].

Совершенно справедливой представляется отповедь Ломоносова Миллеру, который в возражениях на его диссертацию заявил, что у Миллера сведения русских источников «дерзновенно опровергаются» [6: 412].

После Миллера активным пропагандистом шведского мифа становится Шлецер. Вот что можно прочитать у него о чуди там, где он разбирает перечень народов, названный летописцем в «Афетовъ же части»: «...очень видно, что Нестор исчисляет здесь древнейшие народы, начальных жителей России; а нельзя оспорить того, что **Русы пришли в нее гораздо позже** (выделено мною. – Л. Г.) ...Исчисляет здесь одни только Финские и Летские племена, а Русов не причисляет ни к которому из оных... Здесь под Чудью разумеются нынешние Эсты (Естланцы)... Они составляли особенный самобытный народ, хотя и были в тесной связи с соседними Славянами, с коими вместе призывали трех братьев...» [15: 62–65].

Известно, что безапелляционное тиражирование Байером, Миллером и Шлецером идей шведского политического мифа, в конце концов, оказалось свое влияние на российскую историческую мысль. С конца XVIII века, то есть параллельно с распространением Миллером и Шлецером шведских конструктивов в российской исторической мысли, в столичных кругах российского общества стала распространяться галломания, сторонники которой постепенно прониклись верой в то, что свет идей может идти только с Запада, поэтому и фантазии шведского политического

мифа, оформленные как норманизм, считались отражением передовых западных взглядов в исторической науке. Уже в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина мы видим концентрат этого мифа, вполне освоенный сознанием просвещенных российских кругов, включая и чудь как финские народы. В главе II, раскрывая тему «Финские или Чудские народы в России», Карамзин передал Скариновскую трактовку мифа о чуди как «финских племенах», не забыв, вслед за Миллером, презрительно отзываться о русских источниках [5: 18–24, прим. 70].

Следующим этапом в развитии данных представлений, порожденных в лоне мифологизированной шведской историографии, стала деятельность крупных финских филологов и фольклористов, таких как А. М. Шёгрен (1794–1855), М. А. Кастрен (1813–1853), Д. Европеус (1820–1884) и др. Эти финские деятели культуры принадлежали поколению финской интеллигенции, сложившемуся на волне пробуждения национального самосознания в Финляндии в первой четверти XIX века. Тогда образованные круги финского общества с энтузиазмом обратили свои усилия на изучение финского языка, финского фольклора для того, чтобы исследовать корни народной культуры и показать место «финского племени» во всемирной истории.

Заслуги названных ученых перед мировой наукой в области языкоznания и литературы бесспорны, но историю они учили под безусловным влиянием стереотипов шведского рудбекианизма, откуда и почерпнули свои представления о финнах как первых насељниках в Восточной Европе. С этими взглядами они начали свой путь в российской науке, уже априорно имея перед своим взором картину сплошного финно-угорского мира, якобы существовавшего в древности от Саян до Балтики и давшего, в частности, на севере Восточной Европы первое, в языковом отношении определяемое население – носителей финно-угорских языков.

Произошло так, что шведский политический миф, созданный для идеологизации военных нападений на Россию, пережил заданную для него политическую цель: политика потерпела сокрушительное поражение, а миф получил прописку в российской (и не только в российской!) исторической науке, в силу чего полноценное изучение начального периода русской истории в Восточной Европе было заблокировано на длительное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байер Г. З. О варягах // Фомин В. В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.
2. Грот Л. П. Политический миф норманизма // Русское поле. Научно-публицистический альманах. № 4/2013 – № 5/2014.
3. Грот Л. П. Русь и чудь в древнерусской истории // Вопросы сохранения исторического наследия: к 250-летию со дня рождения выдающегося русского историка Н. М. Карамзина и 200-летию начала выхода его «Истории государства Российского». Сб. материалов науч. конф. по проблемам гуманитарных наук, Липецк, 9–10 октября 2015 г. Липецк, 2015. С. 85–102.

4. Гrot Л. П. Шведские ученые как наставники Г. З. Байера в изучении древнерусской истории // Вестник Липецкого университета. Научный журнал. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 1 (6). С. 35–46.
5. Карапзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. I. М., 1988. 155 с.; Примечания к I тому (70). 150 с.
6. Ломоносов М. В. Возражения на диссертацию Миллера // Фомин В. В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.
7. Меркулов В. И. Герард Миллер: от увлечения к исследованию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pereformat.ru/2012/02/mueller/> (дата обращения 16.08.2015).
8. Миллер Г. Ф. О происхождении имени и народа Российского // Фомин В. В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.
9. Мельников А. С. Славяне в представлениях шведских ученых XVI–XVII вв. // Первые Скандинавские чтения. СПб., 1997.
10. Пекарский П. История Императорской академии наук в Петербурге. Том первый. СПб., 1870.
11. Пересветов-Мурат А. Исаак Торчаков – ингерманландский diak // Novgorodiana Stockholmiensia. Stockholms universitet, Slaviska institutionen. 2012.
12. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перец. 3-е изд. СПб., 2007.
13. Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. История Российской. Ч. 1. М., 1994. 500 с.
14. Фомин В. В. Варяги и варяжский вопрос. М., 2055. 488 с.
15. Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. Ч. I. СПб., 1809.
16. Bayegei Th. S. De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus IV. Petropoli, 1735.
17. Elmgren Ainur. Kalevala. Finlands epos – myt och historia som nationens stöttepelare. Scantia, 2008.
18. Isberg A. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingemanland 1617–1704. Studia historico-ecclesiastica Upsalensia 23. Uppsala, 1973. 189 s.
19. Latvakangas A. Riksgrundarna. Turku, 1995.
20. Maier Ingrid, Droste Heiko. Från Boris Godunov till Gustav II Adolf: översättaren Hans Flörich i tsarens och svenska kronans tjänst // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. Uppsala, 2010. № 50.
21. Nordin J. Ett fattig men fritt folk. Stockholm; Stehag, 2000. 527 s.
22. Rudbeck O. Atlants eller Manheims. Tredje delen. Uppsala och Stockholm, 1947.
23. Scarin Algot. De originibus priscae gentis varegorum: Diss. Aboae, 1734.
24. Scholz Birgit. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Wärägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographi. Wiesbaden, 2000.
25. Schück H. KGL. Vitterhets historie och antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia. Stockholm, 1932.
26. Schück H. Den äldre Peringskiölds tid // KGL. Vitterhets historie och Antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia. I–VIII. Stockholm, 1932–1944. B. IV.
27. Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967. 118 s.

Поступила в редакцию 16.12.2015